

ГОРШОК С НАДПИСЬЮ ИЗ РОСТИСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО

© 2013 г. В.Ю. Коваль, А.А. Медынцева, А.А. Еремеев

Институт археологии РАН, Москва (kovaloka@mail.ru)

Ключевые слова: *археологические раскопки, эпиграфика, керамика, датировка комплексов, палеография, грамотность в Древней Руси.*

The excavations at a complex from the first half of the 13th c. at Rostislavl (Moscow oblast') yielded a fragmented pot with an inscription that had been made on the raw clay prior to the baking. The paleographic features of the inscription allow dating it to the end of the 12th – first half of the 13th c. The inscription is in Cyrillic characters and reads that the pot was a present from someone to a person named Yuri. This is the second find of an Old Russian pot that shows an inscription made before baking, whereas the inscription is the first one that allows a clear reading. The find testifies to the fact of widespread literacy in Rus on the eve of the Mongol invasion.

В ходе археологических раскопок на городище Ростиславль в Озерском р-оне Московской обл., проводившихся в 2011 г. Ростиславльской экспедицией Института археологии РАН, было обнаружено несколько обломков горшка с прочерченной по его поверхности надписью кириллицей (рис. 1).

Городище Ростиславль размещается на правом берегу Оки, примерно посередине между Колодной и Каширой. Оно представляет собой остатки летописного города Рязанской земли, основанного в 1153 г. и просуществовавшего до начала XVII в. Городище планомерно изучается с 1991 г., в 1996 г. на нем уже была сделана редкая эпиграфическая находка – обнаружен обломок белокаменного намозильного и памятного креста с надписью (Коваль, Медведь, 2000). Новая находка происходит с раскопа II, которым исследовался северо-западный край площадки городища, с неплохо сохранившимися объектами и культурным слоем домонгольской эпохи.

Один из обломков был обнаружен в переотложенном культурном слое, в 12–13 м к северо-западу от места обнаружения трех других (рис. 2, 1, 2), довольно компактно залегающих в верху заполнения котлована подземной части крупной постройки (рис. 2, 3). Судя по материалу из заполнения нижней части (развалом двух горшков, керамике и единственной находке железного ножа – рис. 3), котлован заполнялся на протяжении второй половины XII в. Маркером наиболее древних отложений в постройке служил развал красноглиняного ангобированного горшка-миски (рис. 3, 3). Красноглиняная белоангобированная керамика встречена на

Ростиславле в комплексах, датирующихся только самым ранним периодом жизни города, т.е. серединой XII в. В комплексы второй половины XII в. она попадала уже в виде обломков из культурного слоя¹. Второй горшок из нижнего горизонта заполнения постройки был изготовлен из беложгущейся глины, но обгорел в пожаре. Линейный орнамент на него нанесен шестизубой (?) гребенкой по спирали против часовой стрелки сверху вниз. Профилировка венчика характерна для посуды второй половины XII в. (рис. 3, 2).

Массовый керамический материал из самого нижнего горизонта заполнения постройки (177 обломков, в том числе 26 венчиков горшков) характеризовался признаками посуды второй половины XII – начала XIII в. (невысокая доля белоглиняной керамики, отсутствие волнистого орнамента в декоре горшков). Венчики горшков, с одной стороны, включали сильнопрофилированные формы с массивными округлыми валиками (типов 18/2, 23/2, 28/2)², характерные для XII в. (рис. 4, 1, 4, 5, 7, 12–15, 18, 19, 22), а с другой – “цилиндрические” (типов 8/2, 38/2), исчезающие в первой трети XIII в.

¹ Эти изделия заметно отличаются от более поздней белоангобированной керамики XV в. как по профилировке, так и по составу теста, характеру ангоба, орнаменту. Очевидно, они имитировали посуду, производившуюся переселенцами из Южной Руси, принесшими традицию изготовления керамики из беложгущихся глин. Ранняя белоангобированная керамика Ростиславля отличалась розовато-кремовым цветом легко размывавшегося ангоба и наличием в тесте посуды крупного речного песка.

² Классификация венчиков горшков Ростиславля с нумерацией классов и типов опубликована (Коваль, 2004).

Рис. 1. Обломок горшка с надписью. 1 – фото; 2 – рисунок; 3 – прорисовка надписи с направляющей чертой и без черты.

(рис. 4, 17, 20, 21). Наряду с ними, впрочем, были широко представлены профилированные (так называемые эсовидные) венчики с уплощенными валиками или малозаметными складками, полученными заворотом “чернового края” внутрь сосуда (типов 18/1, 23/1, 28/1), появляющиеся во второй половине XII в. и доминирующие на Ростиславле в первой половине XIII в. (рис. 4, 2, 3, 10, 11).

После засыпки котлована постройки произошел эрозийный размыв склона, приведший к уничтожению части его западной стенки и частично его заполнения. Затем на эрозированной поверхности сформировался культурный слой (возможно даже искусственная присыпка склона), местами просевший в ходе уплотнения и оседания первоначального заполнения. Именно он и составил верхний горизонт ямы 560, мощность которого не превышала 40 см

(рис. 2, 3). Слой состоял из темно-серого гумусированного суглинка с включениями мелких угольков и обломков печины, керамики и костей животных.

В отличие от заполнения котлована постройки в этом относительно маломощном горизонте было собрано более 40 вещевых находок (рис. 5), в том числе 3 обломка стеклянных браслетов (зеленого витого из 2 жил, гладкого бирюзового и коричневого, перевитого нитью желтого непрозрачного стекла), 2 шиферных пряслица, 2 перстнеобразных височных кольца, 2 пластинчатых перстня, 3 обломка белоглиняных поливных сосудов южно-русского (киевского?) производства, обломок керамического креста-тельника (искусная имитация каменного, из красножгущейся глины без видимых примесей) и 8 бусин, в том числе зонная янтарная, горнохрустальная шарообразная, сердоликовая

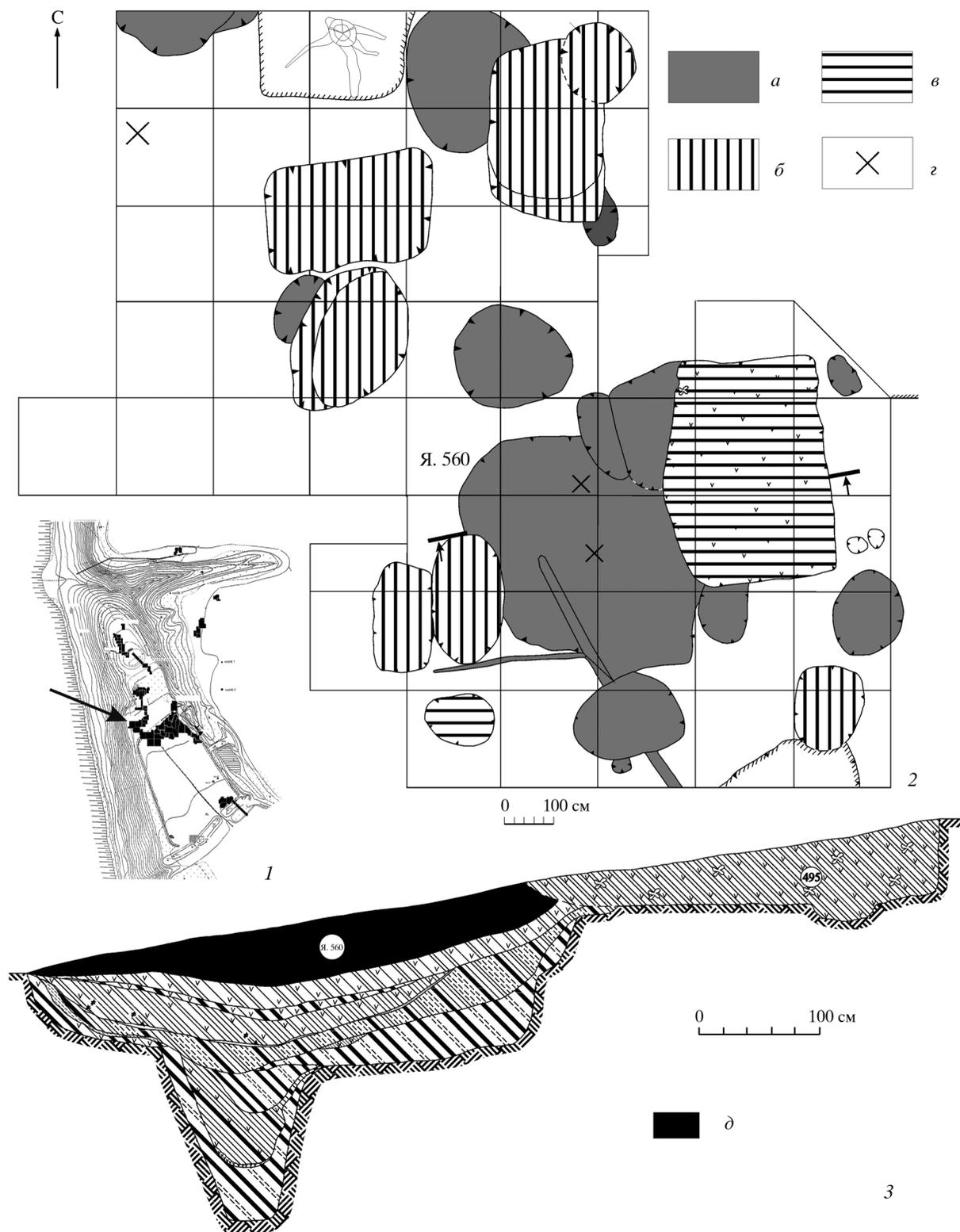

Рис. 2. Схема городища Ростиславль (1); план раскопа II с указанием мест обнаружения обломков горшка с надписью (2) и разрез я. 560. Условные обозначения: *a* – объекты середины и второй половины XII в.; *б* – объекты первой половины XIII в.; *в* – объекты XIV–XV вв.; *г* – места обнаружения обломков горшка с надписью; *д* – слой первой половины XIII в. над я. 560, в котором были найдены обломки горшка с надписью.

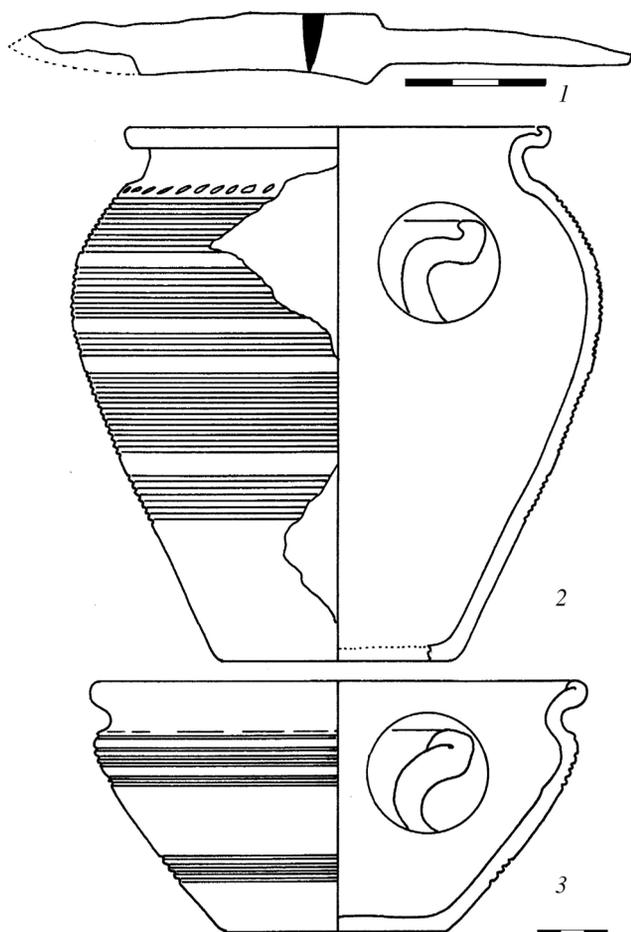

Рис. 3. Находки из нижних горизонтов заполнения я. 560. 1 – железный нож; 2 – горшок; 3 – горшок-миска.

бипирамидальная 14-гранная и 5 стеклянных (рис. 5, 15–20). Среди последних четыре зонных из желтого (1) и зеленого (3) прозрачного стекла, а также одна усеченно-биконическая синяя. Особый интерес представляет находка креста-тельника из темно-серого камня с белыми пятнами – явного импорта из Византии (рис. 5, 13). Все перечисленные вещи не имеют узких дат и относятся в целом к домонгольской эпохе (второй половине XII – первой половине XIII в.), однако среди них присутствуют стеклянные браслеты, бытовавшие на Ростиславле в основном в первой трети XIII в.

Керамический массовый материал из верхнего горизонта заполнения ямы 560 был чрезвычайно обилен (более 1000 обломков, принадлежавших не менее чем 200 сосудам³). Полные профили со-

³ Подсчет – условный, проведен, исходя из количества венчиков горшков (229 шт.), относившихся к разным сосудам. При этом надо иметь в виду, что в комплекс попали только отдельные части горшков, а не целые развалы сосудов.

хранились только от двух неорнаментированных горшков-мисок (рис. 5, 11, 12). Данный керамический комплекс обладает всеми статистическими характеристиками наборов, формировавшихся в первой половине XIII в., – высокой долей керамики полного окислительного обжига (61% от суммарного сбора), в том числе белоглиняной (30%), заметным количественным преобладанием венчиков типов 18/1, 23/1 и 28/1 (рис. 6, 1, 3, 4, 6, 10–12) над более ранними типами (18/2, 23/2, 28/2) тех же конструкций (рис. 6, 2, 7, 8, 13–15, 17) – 43% против 24. Характерны также относительно небольшая доля цилиндрических венчиков (классов 6, 8, 33 – менее 10%) (рис. 6, 9, 16) и абсолютное доминирование в декоре линейного орнамента при наличии небольшой доли (3.8%) волнистого – это тоже специфический признак керамических наборов предмонгольской эпохи. Керамические комплексы с подобными признаками составляют на Ростиславле хорошо узнаваемую обширную серию (Коваль, 1996; 2000; 2004).

Итак, судя по датировкам вещевых находок и статистическим признакам массовой керамики, отложение верхнего горизонта ямы 560 (т.е. культурного слоя, перекрывшего засыпанный котлован постройки второй половины XII в.) происходило на протяжении первой половины XIII в. (вероятно, до 1237 г.). Таким образом, дата формирования комплекса, включавшего описываемую ниже находку, установлена достаточно твердо.

Рассмотрим теперь сами остатки горшка, на который была нанесена надпись. От него, напомним, сохранились только четыре обломка венчика с частями плечиков, обломки стенок и дна в комплексе встречены не были. Горшок был изготовлен из слабожелезненной глины светло-коричневатого оттенка, формовочная масса стандартного для Ростиславля XII–XIV вв. рецепта “глина + песок мелкий”, прошел неполный (недостаточно продолжительный) обжиг (на изломе черепки трехслойные, с темно-серой полосой непрокаленной глины). Следов нагара или копоти от пребывания в печи не обнаружено, однако поверхность черепков все же была загрязнена органическим материалом. В этом убеждает обломок венчика этого же горшка, найденный в культурном слое, который отличается поверхностью телесного цвета (вероятно, он побывал в огне, что привело к выгоранию органических загрязнений). Профилировка венчика (тип 23/2) относится к числу наиболее характерных для домонгольского периода, особенно для второй половины XII в. Венчики такого типа встречаются и в первой

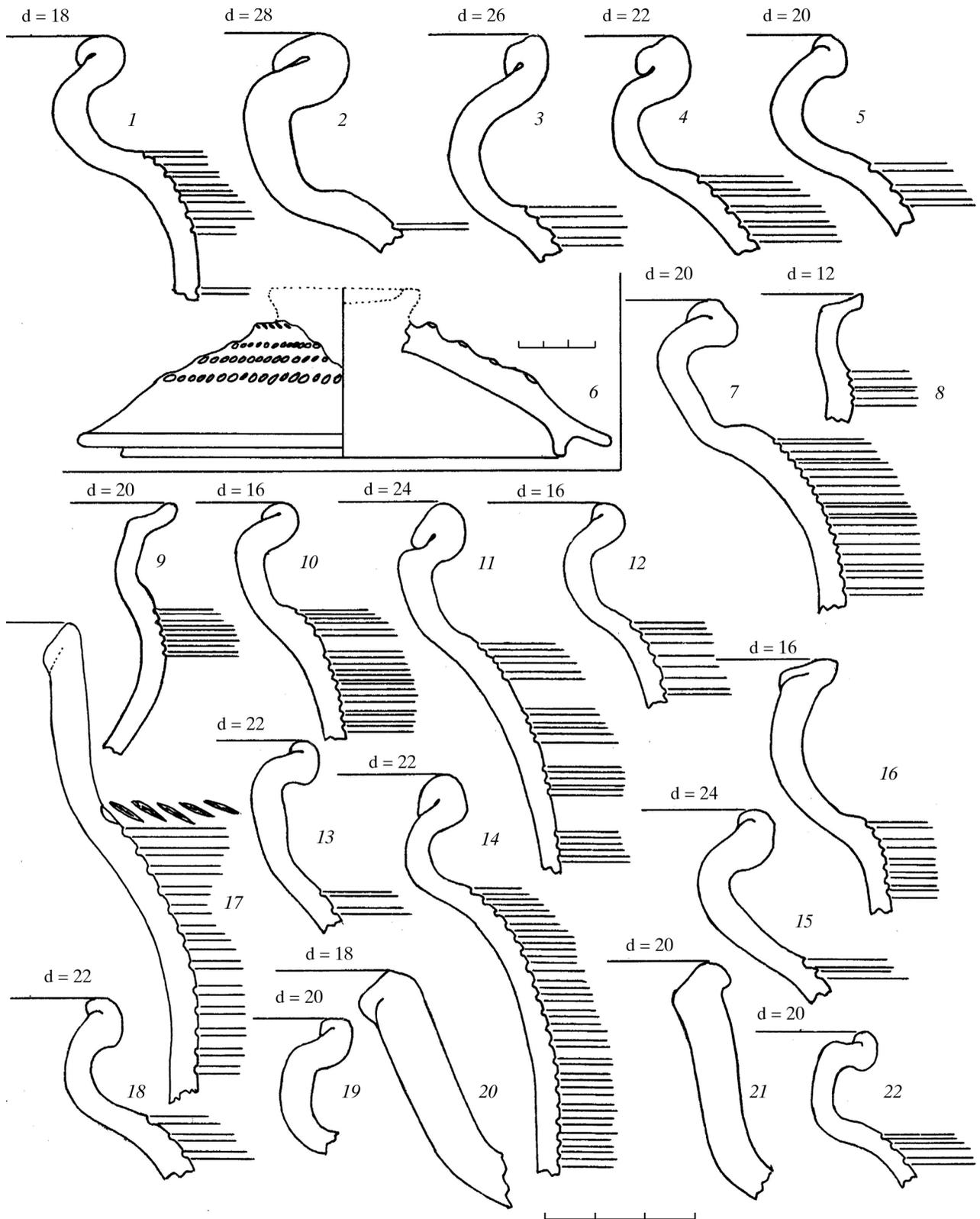

Рис. 4. Керамика из нижних горизонтов я. 560.

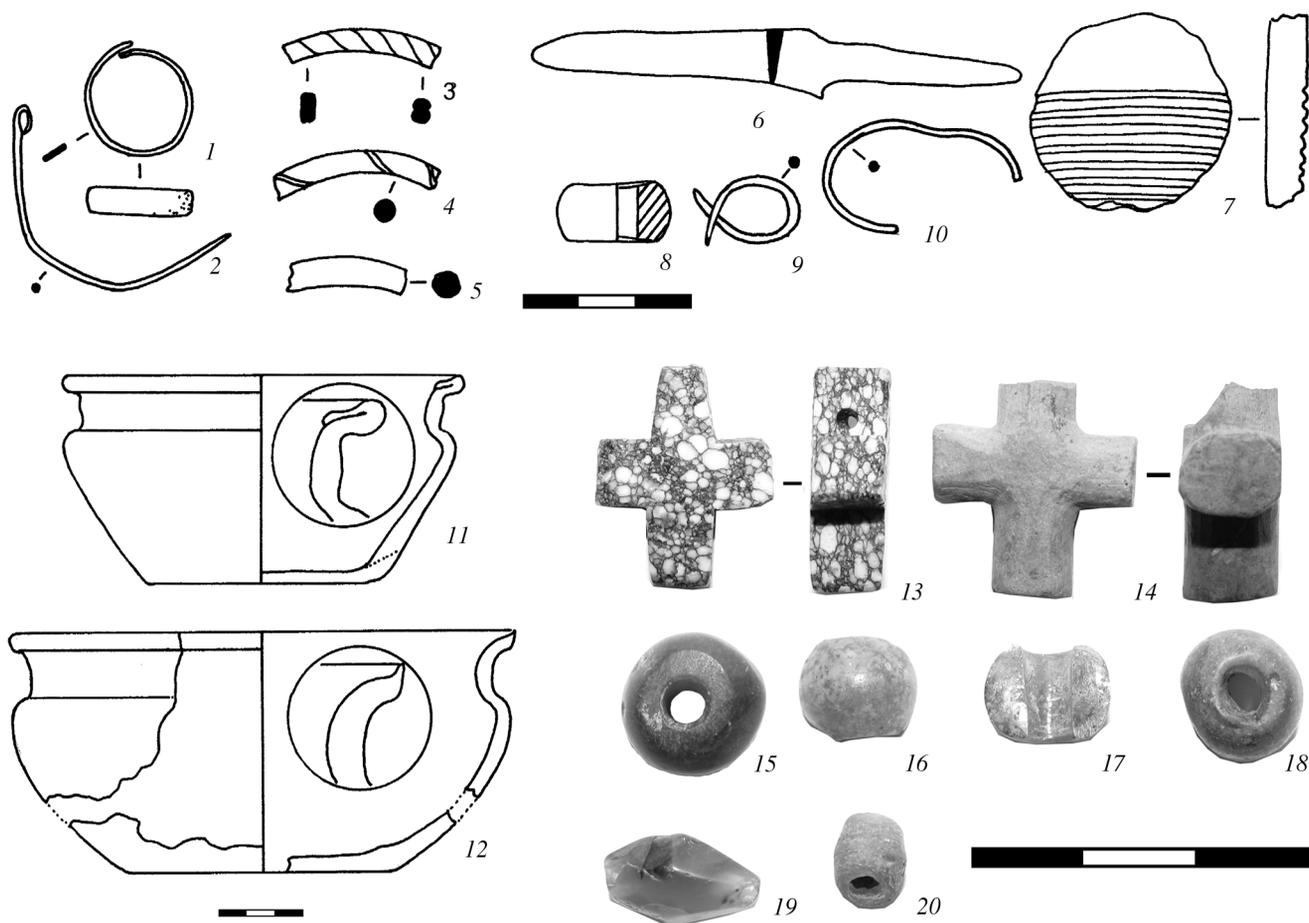

Рис. 5. Находки из верхнего горизонта я. 560. 1 – перстень; 2 – игла; 3–5 – обломки браслетов; 6 – нож; 7 – заготовка пряслица; 8 – пряслице; 9, 10 – перстнеобразные височные кольца; 11, 12 – горшки-миски; 13, 14 – кресты-тельники; 15–20 – бусы. 1, 2, 9, 10 – медные сплавы; 3–5, 16–18, 20 – стекло; 6 – железо; 7, 11, 12, 14 – керамика; 8, 13 – камень; 15 – янтарь; 19 – сердолик.

половине XIII в., однако в этот период их производство уже заканчивается.

Таким образом, обломки горшка попали в культурный слой накануне Батыева нашествия. Важно заметить, что другие части горшка (две трети венчика и придонная часть) в исследованном контексте отсутствовали. Следовательно, на северо-западном участке городища был разбит не весь горшок, а только его часть, развалившаяся на несколько фрагментов. Где находятся остальные части – не известно.

Надпись (рис. 1) была прочерчена под венчиком гончарного сосуда до его обжига, по сырой глине, о чем свидетельствуют отчетливо сохранившиеся валики глины, образовавшиеся в процессе нанесения букв по их краям, особенно явные в местах изгибов. Сохранилась приблизительно треть надписи, начало и конец которой утрачены. Она была прочерчена острым предметом, вероятно, писалом. Буквы четкие, с отчеркиваниями вертикальных мачт, из-за

чего трудно различить буквы **Ъ** и **Ь**. Дополнительную трудность в прочтении вносит горизонтальная линия, проведенная по сырой глине до нанесения надписи, по-видимому, тем же инструментом, что и надпись: некоторые отчеркивания сливаются с ней или искажены благодаря ее близости (рис. 1; 7). Судя по тому, что на стенки горшка орнамент наносился гребенкой, имевшей четыре “зуба” и оставлявшей, соответственно, три-четыре параллельных линии (количество линий различалось из-за изгиба поверхности сосуда), горизонтальная линия по шейке венчика была сделана другим инструментом и вряд ли имела отношение к орнаменту, а значит предназначалась специально для того, чтобы задать горизонтальную направляющую при нанесении надписи. Глубина вдавления линии составляет 0.5–1 мм, глубина вдавления линий букв в надписи – не менее 1 мм.

Первое сохранившееся слово, несмотря на утрату начала, легко восстанавливается по смыслу и

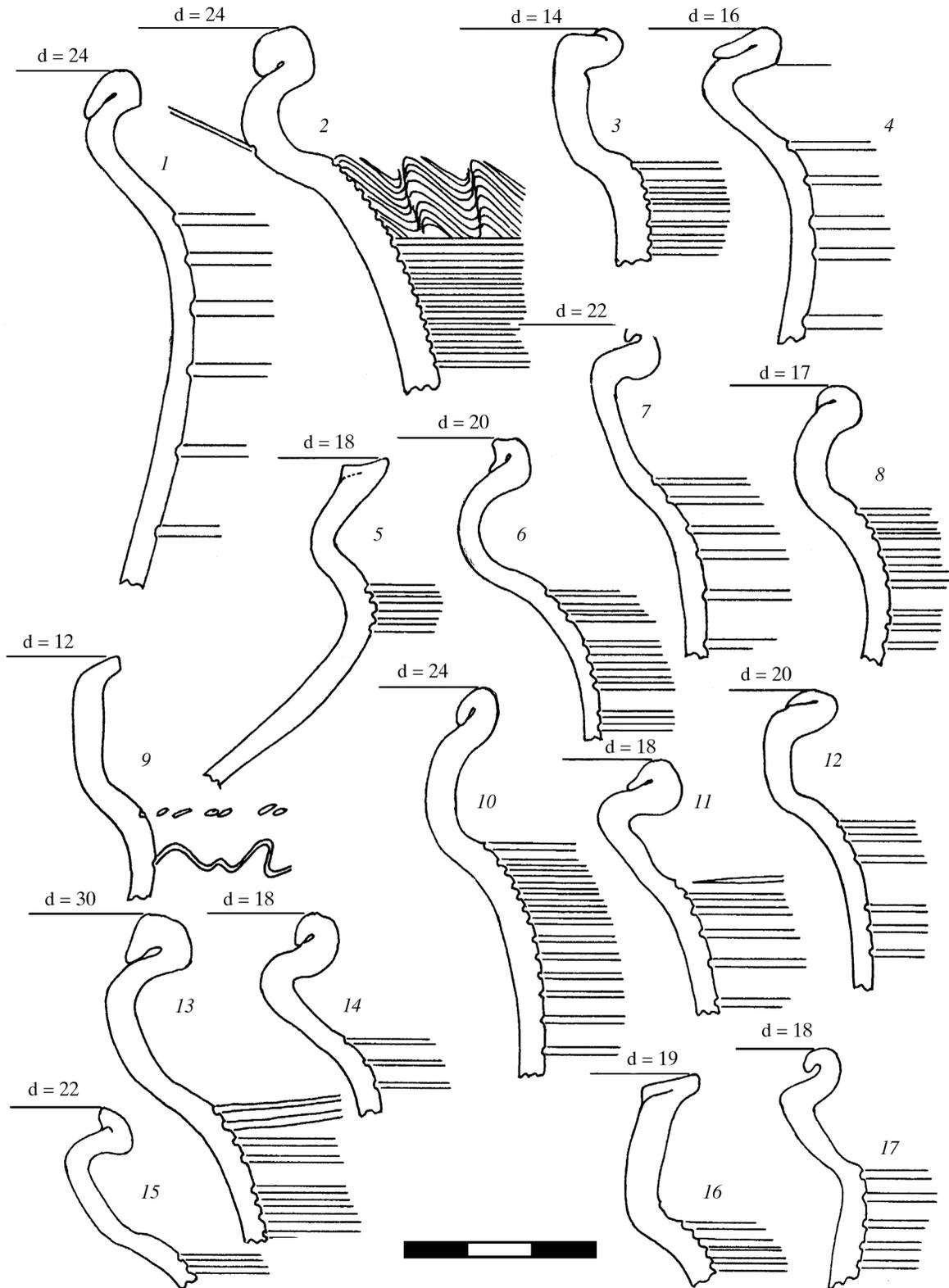

Рис. 6. Керамика из верхнего горизонта я. 560.

Рис. 7. Детали надписи.

оставшимся буквам – это, вероятно, глагол “вдаль” (перфект 1 л. ед. ч. м. р.): можно различить остатки правой ножки (треугольника) от **Д**. Далее читается слово “гороноць” – “*гърньць*” – “горшок”, сосуд для приготовления пищи (Словарь..., 1977. С. 87; Лукина, 1990. С. 96). Буквы хорошей сохранности, читаются отчетливо. Комментариев требует только буква **Ц**. По левой ее черте проходит разлом сосуда, но эта черта не затрудняет ее прочтения, зато сложности возникают из-за способа написания “по сырому”. Дополнительный эффект изгиба на фотографии дают валики сырой глины, образовавшиеся в процессе прочерчивания вертикальной левой линии, более толстые в середине черты, чем по краям из-за большего нажима, что делает ее похожей на чашечку буквы “червь”. Правая часть буквы изображена слегка волнистой линией, образовавшейся при повороте инструмента для письма. Мастер сначала провел линию, составляющую правую часть, а затем отчеркнул мачту изогнутой, начинающейся с глубокой точки черточкой. Образовавшиеся при этом валики сырой глины искажают начертание, но чтение **Ц** не вызывает сомнений, в чем убеждает и

прямой угол, образованный левой вертикальной и нижней горизонтальной линиями. В этом же слове **О** заменяет собой **Ъ** в корне, **Ь** – в суффиксе (**Ъ** после **Р**, вероятно, вставной), что представляет собой яркий пример “неупорядоченного” правописания глухих и *о|е*. Затем следует имя – *Юрию*. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что в начале надписи содержалось имя дарителя, который подарил горшок человеку по имени Юрий, а вся надпись относится к разряду дарственных. Далее читается “...А кто возмь...” (будущее время, выраженное формой настоящего, 3 л. ед. ч) – “кто возмет” – **Ь** заменяет собой **Е** соответственно неупорядоченному правописанию, пропущенная буква **О** в слове “кто” написана позднее несколько выше. Для обозначения будущего в древнерусских текстах сосуществуют словоформы как с окончанием *-ть*, так и без него, особенно в деловой и бытовой письменности. В новгородских берестяных грамотах чаще всего примеры без *-ть* отмечены в предложениях, выражающих условие или цель, т.е. там, где глагол передает не осуществляемое, а лишь предполагаемое действие (Зализняк, 2004. С. 137).

Это и предполагает следующий далее союз с частицей **А**: **ДА**... За этими словами следует ожидать “заклятие” – наказание, которое постигнет того, кто украдет сосуд. Подобное закливание известно по надписи на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 г. В подробной вкладной надписи, содержащей год события, имя вкладчицы, описание креста и стоимости ювелирной работы, содержится и пространное закливание нарушившему волю княжны и унесшему крест из монастыря: “да не буди ему помощник честный крест ни в этот век, ни в будущий, да будет проклят Святой Троицей...” и т.д. (Рыбаков, 1964. № 27. С. 32, 33). Аналогичные закливания дошли до нас и в приписках писцов к некоторым рукописям. Например, в выходной записи писца о написании книги для ц. Св. Софии “повелением” князя Дмитрия Александровича на средства архиепископа Климента (около 1285–1291 гг.) имеется угроза проклятия и страшного суда похитителю: “...не буде ему наше благословение... да будет проклят...” (Столярова, 1998. С. 101). Ценность креста Евфросинии Полоцкой или священных книг, конечно, не сопоставима с бытовыми предметами, однако и на них известны подобные же закливания. Так, на простой костяной ручке обыкновенного железного ножа из Дрогичина (Беларусь) была процарапана надпись (рис. 8, 1), датированная по палеографическим признакам концом XI – началом XII в., с закливанием против кражи: “Ежков нож, а иже его украде, то проклят...” (буде?) (Musianovicz, 1956. S. 343, 344. Tabl. XLVI; Калечыц, 2011. С. 99. Рис. 77). Судя по контексту, мы вправе ожидать подобного продолжения и от надписи на горшке из Ростиславля. За словом “возме” читаются только три буквы и начало четвертой: “**А ДА**”. Мы вправе ожидать, что следующей буквой могла быть либо **Б** (начало слова “**БУДИ**”), либо **Н** (“**НЕ БУДИ**”). Но, к сожалению, полностью она не сохранилась. Разлом проходит как раз посередине буквы. Это могла быть мачта буквы **Б** или **Н**, но, насколько можно судить по сохранившимся чертам, и особенно по отчетливо видной точке слева от вертикальной мачты (вероятно, такая же была справа от нее), это могла быть буква **Ї**-десятеричное, в данном случае “**і** с двумя точками посередине буквы” – начало слова “**иссох-нет**” или аналогичного по смыслу, но, возможно, это было и начало буквенного обозначения цифры.

Сохранность надписи не дает убедительных оснований для полной реконструкции, но ясно, что перед нами дарственная надпись неизвестного дарителя человеку по имени Юрий, содержащая закливание от вора. Сохранившийся фрагмент читается так:

... .. (Д)АЛЪ ГОРОНОЦЪ ЮРИЮ А КТ(о)
ВОЗМЪ А ДА (і).....

т.е. некто “дал горшок Юрию, кто возьмет, а да и будет... или не будет...” Санкция остается неясной, но по смыслу именно она должна была быть в несохранившейся части.

Несмотря на относительную краткость надписи, ее палеографические особенности достаточно ясно выражены. Письмо отчетливое, по пропорциям некоторые буквы близки к квадрату, **Н** напоминает по форме латинскую, перекадины букв **И** и **Ю** горизонтальны и расположены посередине буквы – это признаки раннего времени – XI – первой половины XIII в., хотя они могут встречаться и позже. Но петли **Ъ**, **Ь** – неправильной формы, занимают более половины мачты, **В** – с заходящими друг на друга петлями – все эти признаки указывают на первую половину XIII в. Об этом же времени говорят и несколько оплывшие (в одном случае, усеченная) петли **А** (Щепкин, 1971. С. 114, 115). Характерную форму имеет **З** – с развилкой и небольшим изогнутым хвостом. В берестяных грамотах похожие формы отмечены в группе, датирующейся 1220–1280 гг. (Зализняк, 2000. Табл. 9). С того же времени А.А. Зализняк отмечает в берестяных грамотах **Р** с треугольной головкой углом вниз, которая продолжает встречаться и позднее, в хронологической группе, ограниченной 1410 г. (2000. Табл. 18). Сочетание ранних и поздних признаков позволяет датировать надпись первой половиной XIII в. На это же время указывает отчетливо выраженное неупорядоченное употребление **Ъ/О**; **Ь/Е**; **Ь/О**. Последняя замена, третья буква **О** в слове “горнец”, вероятно, заменяет собой **Ь**, появившийся как результат мены **Ь/Ъ**! Подобная “бытовая” система письма появляется уже в XI–XII вв., но достигает максимума в XIII в., постепенно исчезая на протяжении XIV в. (Зализняк, 2004. С. 25). Графическое неразличение **Ь/Ъ** засвидетельствовано уже первыми исследователями берестяных грамот с древнейшего времени. Стратиграфическая дата, как и форма горшка, указывают на первую половину XIII в. Таким образом, надпись по палеографии, правописанию, стратиграфии и форме самого горшка надежно датируется первой половиной XIII в.

Заслуживает внимания использование русифицированной формы имени Юрий вместо *Георгий* или переходной *Гюрги*, *Гюръги*. В новгородских берестяных грамотах такая форма, где сначала первая буква **Г**, а затем и вторая заменяются на йот, появляется начиная с середины XIV в. (Зализняк, 2004. С. 104). Надежно датированная надпись – свидетельство того, что в разго-

Рис. 8. Находки вещей с древнерусскими надписями. 1 – рукоять ножа из Гродно, без масштаба (по: Калечыц, 2011. Рис. 77); 2 – обломки горшка с селища Автуничи, фото и прорисовка (по: Моця и др., 1997. Рис. 14, 10).

ворной лексике в Рязанской земле она появилась значительно раньше, чем в Новгороде.

Особенности публикуемой надписи – это способ написания по сырой глине, и расположение на обычном горшке, тогда как большинство надписей на керамике, известных на территории Древней Руси, прочерчено на византийских амфорах, т.е. на уже давно обожженных сосудах. Единственную

аналогию представляет надпись на двух обломках горшка с селища Автуничи (в Черниговской земле, на территории современной Украины), найденных при раскопках 1988 г. (Коваленко, Моця, 1997. С. 135–142; Моця и др., 1997. С. 50. Рис. 14, 10). Надпись была нанесена по плечу сосуда до обжига, по сырой глине, вероятно, ножом, который использовался в процессе производства. На одном из обломков читается: ...**(G)BOEM(V) M...**, на

другом – фрагментированные буквы ...**(Н)ФД(Ъ)** (рис. 8, 2). Обломки горшка не соединяются, но, судя по их виду и надписи, они принадлежат одному сосуду (второй фрагмент надписи в указанной публикации отсутствует и публикуется здесь впервые). Первое слово легко восстанавливается как “своему”, буква **М**, вероятно, является началом имени, второй фрагмент слишком краток и реконструкции не поддается. Надпись скорее всего представляла собой обычную молитвенную надпись “Господи помози рабу своему такому-то” – человеку, от имени которого сохранилась лишь первая буква **М**. Надпись выполнена небольшими четкими буквами с отчеркиваниями. На первый взгляд она напоминает надпись из Ростиславля: сходно начертание буквы **Д** в виде треугольника с отчеркнутыми ножками. Но совершенно разные формы имеют буква **В** и, особенно, буква **М** (дважды повторенная на фрагменте из Автуничей). Вероятно, сходство объясняется материалом, способом написания и хронологической близостью сосудов. Надпись из Автуничей содержит мало материала для палеографической датировки. Помимо отмеченной уже формы **Д** в виде треугольника (в берестяных грамотах хронологические пределы отмечены в границах 1160–1280 гг.) (Зализняк, 2000. Табл. 4), почти в таких же хронологических рамках (1140–1260 гг.) встречается и открытая, без верхней черты, форма **Є** (Зализняк, 2000. Табл. 6). Очевидно, о XIII в. говорит **У** с верхней частью во всю строку, без **Ф**, хотя в киевских надписях эта буква без **Ф** отмечается, как исключение, в некоторых граффити и ранее, например, в граффити № 3 1052 г. (Высоцкий, 1976. С. 168). Стратиграфическая дата автунической надписи – XII в., с учетом палеографии – конец XII – начало XIII в.

Интересны исторические выводы, полученные на основе двух редких надписей приблизительно одного времени, найденных в разных местах Древней Руси. Судя по находкам горшков с надписями, грамотность проникла в конце XII – начале XIII в. в среду ремесленников, занимающихся производством простой гончарной посуды, т.е. тем видом ремесла, которое было ориентировано на широкие массы городского и сельского населения. Распространение тех видов продукции, которые предназначались не для элитарных кругов, а были адресованы небогатому населению (например, украшений, изготавливавшихся литьем в имитационных формах) в первые десятилетия XIII в. отмечалось исследователями и в ювелирном деле. Очевидно, исполнителями надписей на необожженной поверхности горшков были сами гончары, а не

заказчики, тем более что само присутствие последних при сложном технологическом процессе изготовления керамики сомнительно. Да посторонний человек и не смог бы сделать надпись по сырому горшку, поскольку ему вряд ли удалось бы соизмерить усилие руки с сопротивлением материала – такая попытка закончилась бы разрушением горшка еще до обжига. Другое дело, что текст надписи мог быть продиктован заказчиком.

Ростиславльская надпись говорит о том, что один человек подарил горшок другому. Следовательно, она является свидетельством грамотности по меньшей мере трех человек: заказчика, получателя горшка и гончара, который ее сделал. Однако к этим трем прибавляются еще и предполагаемые похитители горшка, а таковыми могли быть только простые горожане, которые, следовательно, тоже были грамотными. Тем самым надпись с закланием на горшке свидетельствует о массовой грамотности населения накануне Батыева нашествия даже в таком небольшом городе, каким был Ростиславль. Надпись из Автуничей говорит о том, что грамотными были не только горожане, но и жители сел, в том числе весьма отдаленных от крупных городских центров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.
- Зализняк А.А.* Палеография берестяных грамот и их вне-стратиграфическая датировка // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1990–1996 годов. М., 2000.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Калечыц І.Л.* Эпіграфіка Беларусі X–XIV ст. Мінск, 2011.
- Коваленко В., Моця А.* Жилища гончаров XI–XII вв. на селище Автуничи на Черниговщине // Историко-археологический сб. № 12. Минск, 1997.
- Коваль В.Ю.* Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии. М., 1996 (Тр. Музея истории города Москвы; Вып. 9).
- Коваль В.Ю.* К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики. М., 2000 (Тр. Музея истории города Москвы; Вып. 10).
- Коваль В.Ю.* Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // Археология Подмосковья. М., 2004.
- Коваль В.Ю., Медведь А.Н.* Новый памятник средневековой русской письменности Рязанской земли // РА. 2000. № 1.

- Лукина Г.Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990
- Моця О.П., Орлов Р.С., Коваленко В.П. и др.* Поселення X–XIII ст. біля с. Автунічі // Південноруське село IX–XIII ст. (нові пам'ятки матеріальної культури). Київ, 1997.
- Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964 (САИ; Вып. Е1-44).
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
- Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.
- Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1971.
- Musianowicz K.* Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w roku 1954 w Drohiczyńie, pow. Siemiatystysze // Wiadomosci archeologiczne. T. 12. Z. 2. Warchawa, 1956.